

Андрей Платонов

Повести и рассказы

ФТМ

Андрей Платонович Платонов

Повести и рассказы

Серия «Классика для школьников»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34117879

*Повести и рассказы: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108277-2, 978-5-17-108276-5*

Аннотация

Андрей Платонов (настоящее имя Андрей Платонович Климентов, 1899–1951) – русский писатель, драматург, поэт. В качестве фронтового корреспондента Андрей Платонов был на Гражданской войне. Во время Великой Отечественной войны в звании капитана служил военкором газеты «Красная звезда». Огромный жизненный и военный опыт лег в основу богатейшего творческого наследия писателя. Самая яркая черта прозы А. Платонова – его оригинальный, не имеющий аналогов в русской литературе язык. О своих героях – и о своем народе – Платонов сказал: «Они жили полной и общей жизнью с природой и историей, – и история бежала в те годы как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности».

Содержание

Повести	5
Сокровенный человек[1]	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Платонов

Повести и рассказы

© Платонов А., насл., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Повести

Сокровенный человек¹

I

Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки.

– Естество свое берет! – заключил Пухов по этому вопросу.

После погребения жены Пухов лег спать, потому что сильно исхлопотался и намаялся. Проснувшись, он захотел квасу, но квас весь вышел за время болезни жены – и нет теперь заботчика о продовольствии. Тогда Пухов закурил – для ликвидации жажды. Не успел он докурить, а уж к нему кто-то громко постучал беспрекословной рукой.

– Кто? – крикнул Пухов, разваливая тело для последнего потягивания. – Погоревать не дадут, сволочи!

Однако дверь отворил: может, с делом человек пришел.

---

¹ Этой повестью я обязан своему бывшему товарищу – Ф. Е. Пухову и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля.

Вошел сторож из конторы начальника дистанции.

– Фома Егорыч – путевка! Распишитесь в графе! Опять метет – поезда станут!

Расписавшись, Фома Егорыч поглядел в окно: действительно начиналась метель, и ветер уже посвистывал над печной выюшкой. Сторож ушел, а Фома Егорыч загоревал, подслушивая свирепеющую выюгу, – и от скуки, и от неприютности без жены.

– Все совершается по законам природы! – удостоверил он самому себе и немного успокоился.

Но выюга жутко развertyвалась над самой головой Пухова, в печной трубе, и оттого хотелось бы иметь рядом с собой что-нибудь такое, не говоря про жену, но хотя бы живность какую.

По путевке на вокзале надлежало быть в шестнадцать часов, а сейчас часов двенадцать – еще можно поспаться, что и было сделано Фомой Егорычем, не обращая внимания на пение выюги над выюшкой.

Разомлев и распарившись, Пухов насилу проснулся. Нечаянно он крикнул, по старому сознанию:

– Глаша! – жену позвал; но деревянный домик претерпевал удары снежного воздуха и весь пищал. Две комнаты стояли совсем порожними, и никто не внял словам Фомы Егорыча. А бывало, сейчас же отзовется участливо жена:

– Тебе чего, Фомушка?

– А ничего, – ответит, бывало, Фома Егорыч, – это я так

позвал: цела ли ты!

А теперь никакого ответа и участия: вот они, законы природы!

– Дать бы моей старухе капитальный ремонт – жива бы была, но средств нету и харчи плохие, – сказал себе Пухов, шнуруя австрийские башмаки. – Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! – рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено.

На дворе его встретил удар снега в лицо и шум бури.

– Гада бестолковая, – вслух и навстречу движущемуся пространству сказал Пухов, именуя всю природу.

Проходя безлюдной привокзальной слободой, Пухов раздраженно бурчал – не от злобы, а от грусти и еще отчего-то, но ничего он вслух не сказал.

На вокзале уже стоял под парами тяжелый, мощный паровоз с прицепленным к нему вагоном – снегоочистителем. На снегоочистителе было написано: «Система инженера Э. Бурковского».

«Кто этот Бурковский, где он сейчас и жив ли? Кто ж его знает!» – с грустью подумал Пухов и отчего-то сразу ему захотелось увидеть этого Бурковского.

К Пухову подошел начальник дистанции:

– Читай, Пухов, расписывайся, и – поехали! – и подал приказ:

«Приказывается правый путь от Козлова до Лисок держать непрерывно чистым от снега, для чего пустить в безостановочную работу все исправные снегоочистители. После удовлетворения воинских поездов все паровозы поставить для тяги снегоочистителей. В экстренных случаях снимать для той же тяги дежурные станционные паровозы. При сильных метелях – впереди каждого воинского состава должен неотлучно работать снегоочиститель, дабы ни на минуту не было прекращено движение и не ослаблена боеспособность Красной Армии.

Пред. Глав. Рев. Комитета

Ю. – В. ж. д. Рудин.

Комиссар Путей Сообщения

Ю. – В. ж. д. Дубанин».

Пухов расписался – в те годы попробуй не распишись!

– Опять неделю не спать, – сказал машинист паровоза, тоже расписавшись.

– Опять, – сказал Пухов, чувствуя странное удовольствие от предстоящего трудного беспокойства: вся жизнь как-то незаметней и шибче идет.

Начальник дистанции, инженер и гордый человек, терпеливо слушал метель и смотрел поверх паровоза какими-то отвлеченными глазами. Его раза два ставили к стенке, он быстро поседел и всему подчинился – без жалобы и без упрека. Но зато навсегда замолчал и говорил только распоряжения.

Вышел дежурный по станции, вручил начальнику дистанции путевку и пожелал доброго пути.

— До Графской остановки нет, — сказал начальник дистанции машинисту. — Сорок верст! Хватит ли воды у вас, если топку придется все время форсировать?

— Хватит, — ответил машинист. — Воды много — всю не выпарим!

Тогда начальник дистанции и Пухов вошли в снегоочиститель. Там уже лежали восемь рабочих и докрасна калили чугунок казенными дровами, распахнув для свежего воздуха окно.

— Опять навоняли, дьяволы, — почувствовал и догадался Пухов. — А ведь только что пришли и харчей жирных, должно, не едали! Эх, идолы!

Начальник дистанции сел на круглый стул у выпуклого окна, откуда он управлял всей работой паровоза и снегоочистителя, а Пухов стал у балансира.

Рабочие тоже встали у своих мест, у больших рукояток, посредством которых по балансиру быстро перекидывался груз — и балансир то поднимал, то опускал снегосбросный щит.

Метель выла упорно и ровно, запасшись огромным напряжением где-то в степях юго-востока.

В вагоне было не чисто, но тепло и как-то укромно. Крыша вокзала гремела железами, отстегнутыми ветром, а иногда этот скрежет железа перемежался с далеким артиллерий-

ским залпом.

Фронт работал в шестидесяти верстах. Белые все время прижимались к железнодорожной линии, ища уюта в вагонах и станционных зданиях, утомившись в снежной степи на худых конях. Но белых отжимали бронированные поезда красных, посыпая снега свинцом из изношенных пулеметов. По ночам – молча, без огней, тихим ходом – проходили броневые поезда, просматривая темные пространства и пробуя паровозом целость пути. Ночью ничего не известно; помашет издали поезду низкое степное дерево – и его порежут и снесут пулеметным огнем: зря не шевелись!

– Готово? – спросил начальник дистанции и посмотрел на Пухова.

– Готово, – ответил Пухов и взял в обе руки рычаги.

Начальник дистанции потянул веревку к паровозу – тот запел, как нежный пароход, и грубо дернул снегоочиститель.

Выскочив со станционных путей, начальник дистанции одной рукой резко и коротко дернул за веревку паровозного свистка, а другой махнул Пухову. Это означало: работа!

Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и разворачивая крылья.

Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, прилипая к рельсам, как к магнитам.

Начальник дистанции еще раз дернул веревку на паровоз, что означало – усилить тягу! Но паровоз весь дрожал от пе-

ренапряжения и сифонил так, что из трубы жар вылетал. Колеса его впустую ворочались в снегу, как в крутой почве, подшипники грелись от частых оборотов и плохого масла, а кочегар весь взмок от работы с топкой, несмотря на то что выбегал за дровами на тендер, где его прохватывал двадцатиградусный ветер.

Снегоочиститель и паровоз попали в глубокий снежный перевал. Один начальник дистанции молчал – ему было все равно. Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались на каком-то самодельном языке, сразу обнажая задушевные мысли.

– Пару мало! Прошуруй топку и просифонь, чтоб баланец² загремел – тогда возьмем!

– Закуривай! – крикнул рабочим Пухов, догадавшись о том, что делается на паровозе.

Начальник дистанции тоже вынул кисет и насыпал в кусочек газеты зеленой самогонной махорки.

К метели давно притерпелись и забыли про нее, как про нормальный воздух. Покуриив, Пухов вылез из вагона и здесь только обнаружил гром бури, злобу холода и пальбу сухого снега.

– Вот сволота, – сказал Пухов, еле управляясь с тем, с чем ему нужно было управиться.

Вдруг бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний

---

² Баланс – автоматический предохранитель от излишнего давления пара в котле.

пар. Пухов вскочил в вагон – и паровоз сейчас же и разом выхватил снегоочиститель из снежного бугра, пробуксовав колесами так, что огонь посыпался из рельс. Пухов даже увидел, как хлестнула вода из паровозной трубы от слишком большого открытия пара, и оценил машиниста за отвагу:

– Хорош парень у нас на паровозе!

– А? – спросил старший рабочий Шугаев.

– Чего «а»? – ответил Пухов. – Чего акаешь-то? Горе кругом, а ты разговариваешь!

Шугаев поэтому замолчал.

Паровоз прогудел два раза, а начальник дистанции крикнул:

– Закрой работу!

Пухов рванул рычаг и поднял щит.

Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось, – тогда снегоочиститель опрокинулся бы.

Проехав переезд, снегоочиститель понесся открытой степью. Укрытый снегом, лежал искусный железный путь. Пухов всегда удивлялся пространству. Оно его успокаивало в страдании и увеличивало радость, если ее имелось немного.

Так и теперь – поглядел в запущенное окно Пухов: ничего не видно, а приятно.

Снегоочиститель, имея жесткие рессоры, гремел, как те-

лега по корчагам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону – то оно и делало.

В Графской сделали значительную стоянку. Паровоз брал воду, помощник машиниста чистил дымовую коробку, топку и прочее огневое хозяйство.

Обмерзший машинист ничего не делал, а только ругался на эту жизнь. Из штаба какого-то матросского отряда, стоявшего в Графской, ему принесли спирту, и Пухов тоже прошел в долю, а начальник дистанции отказался.

– Пей, инженер, – предложил ему главный матрос.

– Благодарю покорно. Я ничего не пью, – уклонился инженер.

– Ну, как хочешь, – сказал матрос. – А то выпей – согреешься! Хочешь, рыбы принесу – покушаешь?

Инженер опять отказался по неизвестной причине.

– Эх ты, тина, – сказал тогда оскорбленный матрос. – Ведь тебе с душой дают – нам же не жалко, – а ты не берешь! Поешь, пожалуйста!

Машинист и Пухов пили и жевали все напролом, улыбаясь насчет начальника.

– Отстань ты от него! – обрубил другой матрос. – Он есть хочет, но идея его не велит!

Начальник дистанции смолчал. Есть он действительно не хотел. Месяц назад он вернулся из командировки – из-под Царицына, где сдавал восстановленный мост. Вчера он полу-

чил депешу, что мост просел под воинским поездом: крепка моста шла наспех, неквалифицированные рабочие ставили заклепки на живую нитку, и теперь фермы моста расшились – от одного чувства веса мало-мальски грузного поезда.

Два дня назад началось следствие по делу моста, и дома у начальника дистанции лежала повестка от следователя железнодорожного Ревтрибунала. Назначенный в экстренную поездку, инженер не мог пойти в Ревтрибунал, но помнил об этом. Поэтому ему не пилося и не елось. Но страха он тоже не имел, терзаясь сплошным равнодушием; равнодушие, он чувствовал, может быть страшнее боязливости – оно выпаривает из человека душу, как воду медленный огонь, и когда очнешься – останется от сердца одно сухое место; тогда человека хоть ежедневно к стенке ставь – он покурить не попросит: последнее удовольствие казнимого.

– Теперь куда поедете? – спросил у Пухова главный матрос.

– Должно, на Гязи!

– Верно: под Усманию два эшелона и броневик в сугробах застряли, – вспомнил матрос. – Казаки, говорят, Давыдовку взяли, а снаряды за Козловом в заносах стоят!

– Расчистим, сталь режем, а снег – вещество чепуховое, – уверенно определил Пухов, спешно допивая последние капли спирта, чтобы ничего не пропадало в такое время.

Тронулись на Гязи. Пассажиром напросился старичок –

будто бы ехал от сына с Лисок, – а кто же его знает!

Поехали. Загремел балансир – кидая щит то вниз, то вверх, – и забурчали рабочие, которым не досталось матросской жирной рыбы.

– Яблок бы моченых я теперь поел, – сказал на полном ходу снегоочистителя Пухов. – Ух, и поел бы – ведро бы съел!

– А я бы сельдь покушал, – ответил ему старичок пассажир. – Люди говорят, что в Астрахани сельди той миллионы пудов гниют, только маршрутов туда нету!..

– Тебя посадили, ты и молчи сиди! – строго предупредил Пухов. – Сельдь бы он покушал! Будто без него съесть ее некому!

– А я, – встрял в разговор помощник Пухова, слесарь Зворычный, – на свадьбе в Усмани был, так полного петуха съел – жирен был, дьявол!

– А сколько петухов-то было на столе? – спросил Пухов, чувствуя на вкус того петуха.

– Один и был – откуда теперь петухи?

– Что ж, тебя не выгнали со свадьбы? – допытывался Пухов, желая, чтоб его выгнали.

– Нет, я сам рано ушел. Вылез из стола, будто на двор захотел – мужики часто ходят, – и ушел.

– А тебе, старик, не пора слезать – деревня твоя не видна еще? – спросил Пухов пассажира. – Гляди, а то разбалакаешься – проскочишь!

Старик подскочил к окну, подышал на стекло и потер его.

– Места будто знакомые пошли – будто Хамовские выселки торчат на юру!

– Раз Хамовские выселки – тебе к месту, – сказал сведущий Пухов. – Слезай, пока на подъем прем!

Старик почухался с мешком и покорно возразил:

– Машина ходко бежит, аж воздух журчит – жутко убиваться, господин машинист! Может, окоротить позвольте на одну минутую – я враз.

– Обдумал! – осерчал Пухов. – Окоротить ему казенную машину в военное время! Теперь до самых Грязей остановки не будет!

Старик смолчал, а потом спросил особо покорным голосом:

– Сказывали, тормоза теперь могучие пошли – на всякую скороту окорот дают!

– Слазь, слазь, старик! – серчал Пухов. – Скороту ему окоротить! Не на каменную гору прыгаешь, а в снег! Так мягко придется, что сам полежишь – и потянешься еще!

Старик вышел на наружную площадку, осмотрел веревку на мешке – не для прочности, конечно, а для угона времени, чтобы духу набраться, – а потом пропал: должно, шлепнулся.

С Грязей снегоочистителю вручили приказ: вести за собой броневик и поезд начальника, пробивая траншею в заносах вплоть до Лисок.

Снегоочистителю дали двойную тягу: другой паровоз уступил поезд начальника – громадную спокойную машину

Путиловского завода.

Тяжелый боевой поезд всегда шел на двух лучших паровозах.

Но и два паровоза теперь обессилели от снега, потому что снег хуже песка. Поэтому не паровозы были в славе в ту мягкую и снежную зиму, а снегоочистители.

И то, что белых громила артиллерия бронепоездов под Давыдовской и Лисками, случилось потому, что бригады паровозов и снегоочистителей крушили сугробы, не спя неделями и питаясь сухой кашей.

Пухов, например, Фома Егорыч, сразу почел такое занятие обыкновенным делом и только боялся, что исчезнет махорка с вольного рынка; поэтому дома имел ее пуд, проверив вес на безмене.

Не доезжая станции Колодезной, снегоочиститель стал: два могучих паровоза, которые волокли его, как плуг, влетели в сугроб и зарылись по трубу.

Машинист-петроградец с поезда начальника, ведущий головной паровоз, был выбит из сиденья и вышвырнут на тендер от удара паровоза в снег и мгновенной остановки. А паровоз его, не сдаваясь, продолжал буксовать на месте, дрожа от свирепой безысходной силы, яростно прессуя грудью горы снега впереди.

Машинист прыгнул в снег, катаясь в нем окровавленной головой и бормоча неслыханные ругательства.

К нему подошел Пухов, с четырьмя собственными зубами

в кулаке – он стукнулся челюстью о рычаг и вытащил изо рта ослабшие лишние зубы. В другой руке он нес мешочек со своими харчами – хлеб и пшено. Не глядя на лежащего машиниста, он засмотрелся на его замечательный паровоз, все еще бившийся в снегу.

– Хороша машина, сволочь!

Потом крикнул помощнику:

– Закрой пар, стервец, кривошипы порвешь!

С паровоза никто не ответил.

Положив харчи на снег и зашвырнув зубы, Пухов сам полез на паровоз, чтобы закрыть регулятор и сифон.

В будке лежал мертвый помощник. Его бросило головой на штырь, и в расшившийся череп просунулась медь – так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу. Помощник стоял на коленях, разбросав синие беспомощные руки и с прищипленной к штырю головой.

«И как он, дурак, наварлся на штырь? И как раз ведь в темя, в самый материнский родничок хватило!» – обнаружил событие Пухов.

Остановив бег на месте бесившегося паровоза, Пухов оглядел все его устройство и снова подумал о помощнике:

«Жалко дурака: пар хорошо держал!»

Манометр действительно и сейчас показывал тринадцать атмосфер, почти предельное давление, – и это после десяти часов хода в глубоком плотном снегу!

Метель стихла, переходя в мокрый снегопад. Вдалеке ды-

мили на расчищенных путях броневик и поезд.

Пухов с паровоза ушел. Рабочие снегоочистителя и начальник дистанции лезли по живот в снегу к паровозу. Со второго паровоза тоже сошла бригада, перевязав разбитые головы обтирочными концами.

Пухов подошел к петроградскому машинисту. Тот сидел на снегу и прикладывал его к окровавленной голове.

– Ну, что, – обратился он к Пухову, – как стоит машина? Закрыв поддувала?

– Все на месте, механик! – ответил по-служебному Пухов. – Помощник только твой убился, но я тебе Зворычного дам, парень умственный, только жрать здоров!

– Ладно, – сказал машинист. – Положи-ка мне хлеба на рану и портянкой окрути! Кровь, сатану, никак не заткну!

Из-за снегоочистителя выглянула милая усталая морда лошади, и через две минуты к паровозу подъехал казачий отряд – человек пятнадцать.

Никто на них не обратил нужного внимания.

Пухов со Зворычным закусывали; Зворычный советовал Пухову непременно вставить зубы, только стальные и никелированные – в Воронежских мастерских могут сделать: всю жизнь тогда не изотрешь о самую твердую пищу!

– Опять выбить могут, – возразил Пухов.

– А мы тебе их штук сто наделаем, – успокоил Зворычный. – Лишние в кисет в запас положишь!

– Это ты верно говоришь, – согласился Пухов, соображая, что сталь прочней кости и зубов можно наготовить массу на фрезерном станке.

Казачий офицер, видя спокойствие мастеровых, растерялся и охрип голосом.

– Граждане рабочие! – нарочито сказал офицер, ворочая полубезумными выветрившимися глазами. – Именем Великой Народной России приказываю вам доставить паровозы и снегочистку на станцию Подгорное. За отказ – расстрел на месте!

Паровозы тихо сипели. Снег падать перестал. Дул ветер оттепели и далекой весны.

У машиниста кровь на голове свернулась и больше не текла. Он почесал сухую корку сукровицы и трудным, ослабевшим шагом пошел на паровоз.

– Пойти воды покачать и дров подложить – машину морозить неохота!

Казачи вынули револьверы и окружили мастеровых. Тогда Пухов рассерчал:

– Вот сволочи, в механике не понимают, а командуют!

– Што-о? – захрипел офицер. – Марш на паровоз, иначе пулю в затылок получишь!

– Что ты, чертова кукла, пульей пугаешь! – закричал, забываясь, Пухов. – Я сам тебя гайкой смажу! Не видишь, что в перевал сели и люди побились! Фулюган, черт!

Офицер услышал короткий глухой гудок броневоегo поез-

да и обернулся, подождав стрелять в Пухова.

Начальник дистанции лежал на шинели, постеленной на снег, и о чем-то мрачно размышлял, рассматривая хилое, потеплевшее небо.

Вдруг на паровозе по-плохому закричал человек. То, наверно, машинист снимал с штыря своего разбитого помощника.

Казаки сошли с лошадей и бродили вокруг паровоза, как бы ища потерянное.

— По коням! — крикнул казакам офицер, заметя вывернувшийся из закругления бронепоезд. — Пускай паровозы, стрелять начну! — и выстрелил в голову начальника дистанции — тот и не вздрогнул, а только засучил усталыми ногами и отвернулся вниз лицом ото всех.

Пухов вскочил на паровоз и заревел на всю сирену прерывистой тревогой. Догадливый машинист открыл паровой кран инжектора, и весь паровоз укутался паром.

Казачий отряд начал напропалую расстреливать рабочих, но те забились под паровозы, проваливались, убегая, в сугробы, — и все уцелели.

С бронепоезда, подошедшего к снегоочистителю почти вплотную, ударили из трехдюймовки и прострочили из пулемета.

Отскакав сажень на двадцать, казачий отряд начал тонуть в снегах и был начисто расстрелян с бронепоезда.

Только одна лошадь ушла и понеслась по степи, жалобно

крича и напрягая худое быстрое тело.

Пухов долго глядел на нее и осунулся от сочувствия.

С бронепоезда отцепили паровоз и подвели его сзади к снегоочистителю толкачом.

Через час, подняв пар, три паровоза продавили снежный перевал на путях и вырвались на чистое место.

II

В Лисках отдыхали три дня.

Пухов обменял на олеонафт десять фунтов махорки и был доволен. На вокзале он исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления.

На стенах вокзала висела мануфактура с агитационными словами:

*В рабочие руки мы книги возьмем,
Учись, пролетарий, ты будешь умней!*

– Тоже нескладно, – заключил Пухов. – Надо так писать, чтоб все дураки заочно поумнели!

*Каждый прожитый нами день –
гвоздь в голову буржуазии.
Будем же вечно жить –
пускай терпит ее голова!*

– Вот это сурьезно! – расценивал Пухов. – Это твердые

слова!

Подходит раз к Лискам поезд – хорошие пассажирские вагоны, красноармейцы у дверей, и ни одного мешочника не видно.

Пухов стоял в тот час на платформе у дверей и кое-что обдумывал.

Поезд останавливается. Из вагонов никто не выходит.

– Кто это прибыл с этим эшелоном? – спрашивает Пухов одного смазчика.

– А кто его знает? Сказывают, главный командир – один в целом поезде!

Из переднего вагона вышли музыканты, подошли к середине поезда, построились и заиграли встречу.

Немного погодя выходит из среднего мягкого вагона толстый военный человек и машет музыкантам рукой: будет, дескать, доволен!

Музыканты разошлись. Военный начальник не спеша сходит по ступенькам и идет в вокзал. За ним идут прочие военные люди – кто с бомбой, кто с револьвером, кто за саблю держится, кто так ругается, – полная охрана.

Пухов прошел вслед и очутился около агитпункта. Там уже стояла красноармейская масса, разные железнодорожники и жадные до образования мужики.

Приехавший военный начальник взошел на трибуну – и тут ему все захлопали, не зная его фамилии. Но начальник оказался строгим человеком и сразу отрубил:

– Товарищи и граждане! На первый раз я прощаю, но заявляю, чтобы впредь подобных демонстраций не повторялось! Здесь не цирк, и я не клоун – хлопать в ладоши тут не по существу!

Народ сразу примолк и умильно уставился на оратора – особенно мешочники: может, дескать, лицо запомнит и посадит на поезд.

Но начальник, разъяснив, что буржуазия целиком и полностью – сволочь, уехал, не запомнив ни одного умильного лица.

Ни один мешочник в порожний длинный поезд так и не попал: охрана сказала, что вольным нельзя ехать на военном поезде особого назначения.

– А он же порожняком, – все едино лупить будет, – спорили худые мужики.

– Командарму пустой поезд полагается по приказу, – объяснили красноармейцы из охраны.

– Раз по приказу – мы не спорим, – покорялись мешочники. – Только мы не в поезде сядем, а на сцепках!

– Нигде нельзя, – отвечали охранники. – Только на спице колеса можно!

Наконец поезд уехал, постреливая в воздух – для испуга жадных до транспорта мешочников.

– Дела, – сказал Пухов одному деповскому слесарю. – Маленькое тело на сорока осях везут!

– Нагрузка маленькая – на канате вошь тащут, – на глаз

измерил деповский слесарь.

– Дрезину бы ему дать – и ладно, – сообразил Пухов. – Тратят зря американский паровоз!

Идя в барак за порцией пищи, Пухов разглядывал по дороге всякие надписи и объявления – он был любитель до чтения и ценил всякий человеческий помысел.

На бараке висело объявление, которое Пухов прочитал беспрерывно трижды:

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ!

Штабом IX Рабоче-Крестьянской Красной Армии формируются добровольные отряды технических сил для обслуживания фронтовых нужд Красных Армий, действующих на Северном Кавказе, Кубани и Черноморском побережье.

Разрушенные железнодорожные мосты, береговые оборонительные сооружения, служба связи, оружейные ремонтные мастерские, подвижные механические базы – все это, взятое в целом, требует умелых пролетарских рук, которых не хватает в действующих Красных Армиях юга.

С другой стороны, без технических средств не может быть обеспечена победа над врагами рабочих и крестьян, сильных своей техникой, полученной задаром от антантовского империализма.

Товарищи рабочие! Призываем вас записываться в отряды технических сил у уполномоченных Реввоенсовета IX на всех ж. – д. узловых станциях. Условия службы узнавайте

от товарищей уполномоченных. Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует рабоче-крестьянский класс!

Пухов сорвал листок, приклеенный мукой, и понес его к Зворычному.

– Тронемся, Петр, – сказал Пухов Зворычному. – Какого шута тут коптить! По крайности, южную страну увидим и в море покупаемся!

Зворычный молчал, думал о своем семействе.

А у Пухова баба умерла, и его тянуло на край света.

– Думай, Петруха! На самом-то деле: какая армия без слесарей! А на снегоочистке делать нечего – весна уж в ширинку дует!

Зворычный опять молчал, жалея жену Анисью и мальчишку, тоже Петра, которого мать звала выпороточком.

– Едем, Петруш, – увещевал Пухов. – Горные горизонты увидим; да и честней как-то станет! А то видал – тифозных эшелонами прут, а мы сидим – пайки получаем!.. Революция-то пройдет, а нам ничего не останется! Ты, скажут, что делал? А ты што скажешь?..

– Я скажу, что рельсы от снегов чистил, – ответил Зворычный. – Без транспорта тоже воевать нельзя!

– Это што, – сказал Пухов. – Ты, скажут, хлеб за то получал, то работа нормальная! А чем ты бесплатно пожертвовал, спросят, чему ты душевно сочувствовал? Вот где за-

гвоздка! В Воронеже вон бывшие генералы снег сгребают – и за то фунт в день получают! Так же и мы с тобой!

– А я думаю, – не поддавался Зворычный, – мы тут с тобой нужней!

– То никому не известно, где мы с тобой полезней, – нажимал Пухов. – Если только думать, тоже далеко не уедешь, надо и чувство иметь!

– Да будет тебе ерунду лить, – задосадовал Зворычный, – кто это считать будет – кто что делал, чем занимался? И так покою нет от жизни такой! Тебе теперь все равно – один на свете, – вот тебя и тянет, дурака! Небось думаешь бабу там покрасивше отыскать – чувство-то понимаешь! Мужик ты не старый – без бабы раздуешься скоро! Ну и вали туда рысью!..

– Дурак ты, Петр, – оставил надежду Пухов. – В механике ты понимаешь, а сам по себе предрассудочный человек!

С горя Пухов и обедать не стал, а пошел к уполномоченному записываться, чтобы сразу управиться с делами. Но когда пришел, съел два обеда: повар к нему благоволил за полудку кастрюли и за умные разговоры.

– После гражданской войны я красным дворянином буду, – говорил Пухов всем друзьям в Лисках.

– Это почему ж такое? – спрашивали его мастеровые люди. – Значит, как в старину будет, – и землю тебе дадут?

– Зачем мне земля? – отвечал счастливый Пухов. – Гайки, что ль, сеять я буду? То будет честь и звание, а не угнетение.

– А мы, значит, красными вахлаками останемся? – узна-

вали мастеровые.

– А вы на фронт ползите, а не чухайтесь по собственным домам, – выражался Пухов и уходил дожидаться отправки на юг.

Через неделю Пухов и еще пятеро слесарей, принятых уполномоченным, поехали на Новороссийск – в порт.

Ехали долго и трудно, но еще труднее бывают дела, и Пухов впоследствии забыл это путешествие. На дорогу им дали по пять фунтов воблы и по ковриге хлеба, поэтому слесаря были сыты, только пили воду на всех станциях.

В Екатеринодаре Пухов сидел неделю – шел где-то бой, и на Новороссийск никого не пропускали. Но в этом зеленом отпетом городке давно притерпелись к войне и старались жить весело.

«Сволочи! – думал обо всех Пухов. – Времен не чувствуют!»

В Новороссийске Пухов пошел на комиссию, которая якобы проверяла знания специалистов.

Его спросили, из чего делается пар.

– Какой пар? – схитрил Пухов. – Простой или перегретый?

– Вообще... пар, – сказал экзаменующий начальник.

– Из воды и огня, – отрубил Пухов.

– Так! – подтвердил экзаменатор. – Что такое комета?

– Бродящая звезда, – объяснил Пухов.

– Верно! А скажите, когда и зачем было восемнадцатое брюмера? – перешел на политграмоту экзаменатор.

– По календарю Брюса восемнадцатое октября – за неделю до Великой Октябрьской революции, освободившей пролетариат всего мира и все разукрашенные народы! – не растерялся Пухов, читавший что попало, когда жена была жива.

– Приблизительно верно, – сказал председатель проверочной комиссии. – Ну а что вы знаете про судоходство?

– Судоходство бывает тяжелыше воды и легче воды, – твердо ответил Пухов.

– Какие вы знаете двигатели?

– «Компаунд», «Отто-Дейц», мельницы, пошвенные колеса и всякое вечное движение!

– Что такое лошадиная сила?

– Лошадь, которая действует вместо машины.

– А почему она действует вместо машины?

– Потому, что у нас страна с отсталой техникой – корягой пашут, ногтем жнут!

– Что такое религия? – не унимался экзаменатор.

– Предрассудок Карла Маркса и народный самогон.

– Для чего была нужна религия буржуазии?

– Для того, чтобы народ не скорбел.

– Любите ли вы, товарищ Пухов, пролетариат в целом и согласны за него жизнь положить?

– Люблю, товарищ комиссар, – ответил Пухов, чтобы выдержать экзамен, – и кровь лить согласен, только чтобы не

зря и не дуриком!

– Это ясно, – сказал экзаменатор и назначил его в порт монтером для ремонта какого-то судна.

Судно то оказалось катером под названием «Марс». В нем керосиновый мотор не хотел вертеться – его и дали Пухову в починку.

Новороссийск оказался ветреным городом. И ветер-то как-то тут дул без толку: зарядит, дует и дует, даже посторонние вещи от него нагревались, а ветер был холодный.

В Крыму тогда сидел Врангель, а с ремонтом «Марса» большевики спешили – говорили, что Врангель морской набег думает сделать, так чтоб было чем защититься.

– Так у него ж английские крейсера, – объяснял Пухов, – а наш «Марс» – морская лодка, ее кирпичом можно потопить!

– Красная Армия все может, – отвечали Пухову матросы. – Мы в Царицын на щепках приплыли, кулаками город шуровали!

– Так то ж драка, а не война, – сомневался Пухов. – А ядро не классовая вещь – живо ко дну пустит!

Керосиновый мотор на «Марсе» никак не хотел вертеться.

– Был бы ты паровой машиной, – рассуждал Пухов, сидя одиноко в трюме судна, – я б тебя сразу замордовал! А то подлецом каким-то выдумана: ишь, провода какие-то, медяшки... путаная вещь!

Море не удивляло Пухова – качается и мешает работать.

– Наши степи еще попросторней будут, и ветер еще почище там, только не такой бестолковый; подует днем, а ночью тишина. А тут – дует и дует, дует и дует, – что ты с ним делать будешь?

Бормоча и покуривая, Пухов сидел над двигателем, который не шел. Три раза он его разбирал и вновь собирал, потом закручивал для пуска – мотор сипел, а крутиться упорствовал.

Ночью Пухов тоже думал о двигателе и убедительно переругивался с ним, лежа в пустой каютке.

Пришел раз к Пухову на «Марс» морской комиссар и говорит:

– Если ты завтра непустишь машину, я тебя в море без корабля пушу, копуша, черт!

– Ладно, я пушу эту сволочь, только в море остановлю, когда ты на корабле будешь! Копайся сам тогда, фулюган! – ответил как следует Пухов.

Хотел тогда комиссар пристрелить Пухова, но сообразил, что без механика – плохая война.

Всю ночь бился Пухов. Передумал заново всю затею этой машины, переделал ее по своему пониманию на какую-то новую машину, удалил зазорные части и поставил простые – и к утру мотор бешено запыхтел. Пухов тогда включил винт – мотор винт потянул, но тяжело задышал.

– Ишь, – сказал Пухов, – как черт на Афоне взбирается!
Днем пришел опять морской комиссар.

– Ну что, пустил машину? – спрашивает.

– А ты думал, не пущу? – ответил Пухов. – Это только вы из-под Екатеринодара удрали, а я ни от чего не отступлю, раз надо!

– Ну ладно, ладно, – сказал довольный комиссар. – Знай, что керосину у нас мало – береги!

– Мне его не пить – сколько есть, столько будет, – положительно заявил Пухов.

– Ведь мотор с водой идет? – спросил комиссар.

– Ну да – керосин топит, вода охлаждает!

– А ты норови керосину поменьше, а воды побольше, – сделал открытие комиссар.

Тут Пухов захохотал всем своим редким молчаливым голосом.

– Что ты, дурак, радуешься? – спросил в досаде комиссар.

– Тебе бы не Советскую власть, а всю природу учреждать надо, – ты б ее ловко обдумал! Эх ты, мехоноша!

Услышав это, комиссар удалился, потеряв некую внутреннюю честь.

А в Новороссийске шли аресты и разгром зажиточных людей.

«Чего они людей шуруют? – думал Пухов. – Какая такая гроза от этих шутов? Они и так дальше завалинки выйти боятся».

Кроме арестов, по городу были расклеены бумаги: «Вследствие тяжелой медицинской усталости ораторов, ни-

каких митингов на этой неделе не будет».

«Теперь нам скучно будет», – скорбел, читая, Пухов.

Меж тем в порту появился маленький истребитель «Звезда». Там пробоину заклепывали и якорную лебедку чинили. Пухов туда ходил смотреть, но его не пустили.

– Чего это такое? – обиделся Пухов. – Я же вижу, там хо-
луи работают. Я помочь хотел, а то случится в море неполад-
ка!

– Не велено никого пускать, – ответил часовой красноар-
меец.

– Ну, шут с вами, мучайтесь, – сказал Пухов и ушел, оза-
боченный.

К вечеру того же дня пришло в порт турецкое транспорт-
ное судно «Шаня». В клубе говорили, что это подарок Кема-
ля-паши, турецкого вождя, но Пухов сомневался:

– Я же видел, – говорил он красноармейцам, – что судно
исправное! Станет вам турецкий султан в военное время та-
кие подарки делать – у него самого нехватка!

– Так он друг наш, Кемаль-паша, – разъясняли красноар-
мейцы. – Ты, Пухов, в политике – плетень!

– А ты снял онучи – думаешь, гвоздем стал? – обижался
Пухов и уходил в угол глядеть плакаты, которым он, однако,
особенно не доверял.

Ночью Пухова разбудил вестовой из штаба армии. Пухов
немного испугался:

– Должно быть, морской комиссар гадит!

На дворе штаба стоял большой отряд красноармейцев в полном походном снаряжении. Тут же стояли трое мастеровых, но тоже в военных шинелях и с чайниками.

– Товарищ Пухов, – обратился командир отряда, – вы почему не в военной форме?

– Я и так хорош, чего мне чайник цеплять, – ответил Пухов и стал в сторонке.

Стояла ночь – огромная тьма, – и в горах шуршали ветер и вода.

Красноармейцы стояли молча, одетые в новые шинели, и ни о чем не говорили. Не то они боялись чего-то, не то соблюдали тайну друг от друга.

В горах и далеких окрестностях изредка кто-то стрелял, уничтожая неизвестную жизнь.

Один красноармеец загремел винтовкой, – его враз угомонили, и он почуял свой срам до самого сердца.

Пухов тоже что-то заволновался, но не выражал этого чувства, чтобы не шуметь.

Фонарь над конюшней освещал дворовую нечистоту и дрожал неясным светом на бледных ночных лицах красноармейцев. Ветер, нечаянно зашедший с гор, говорил о смелости, с которой он воюет над беззащитными пространствами. Свое дело он и людям советовал – и те слышали.

В городе бесчинствовали собаки, а люди, наверно, тихо размножались. А тут, на глухом дворе, другие люди были охвачены тревогой и особым сладострастием мужества – от-

того, что их хотят уменьшить в количестве.

Вышел на середину военный комиссар полка и негромко начал говорить, будто имел перед собой одного человека:

– Дорогие товарищи! Сейчас у нас не митинг, и я скажу немного... Высшее командование республики приказало Реввоенсовету нашей армии ударить в тыл Врангелю, который сейчас догорает в Крыму. Наша задача как раз в том, чтобы переплыть на тех судах, которые у нас есть, Керченский пролив и высадиться на Крымском берегу. Там мы должны соединиться с действующими в тылу Врангеля красно-зелеными партизанскими отрядами и отрезать Врангеля от судов, куда он бросится, когда северная Красная Армия прорвется через Перекоп. Мы должны разрушить мосты и дороги у Врангеля, растерзать его тыл и загородить ему море, чтобы выжечь сразу всю эту заразу!

Красноармейцы! Добраться до Крыма нам будет тяжело, и это рискованная вещь. Там плавают дозорные крейсера, которые нас потопят, если заметят. Это я должен вам открыто сказать. А если и доплывем, то нам предстоит опасная, смертельная борьба среди озверелого противника. Не много нас уцелеет, а может, никого, когда Крым станет советским, – вот что я хочу вам сказать, дорогие товарищи красноармейцы!

И далее того: я хочу спросить у вас, товарищи, согласны ли вы на это дело идти добровольно?

Чувствуете ли вы мужественную отвагу в себе, дабы по-

жертвовать достоинством жизни на благо революции и Советской республики? Если кто боится или колеблется, у кого семья осталась и ему ее жалко, — пускай выйдет и скажет, чтобы ясно было, и мы освободим такого товарища!

Центральное наше правительство возлагает великую надежду на нашу операцию, чтобы поскорей покончить с войной и приступить к мирному строительству на фронте труда!

Я жду вашего ответа, товарищи красноармейцы! Я должен сейчас же передать его Реввоенсовету армии!

Военный комиссар кончил речь и стоял насупившись — ему было хорошо и неловко. Красноармейцы тоже молчали. А у Пухова все дрожало внутри.

«Вот это дело, — думал он, — вот она, большевистская война, — нечего тут яйца высиживать!»

Никто уже не слышал ветра и не видел ночных гор. Мир затмился во всех глазах, как дальнейшее событие, каждый был занят общей жизнью. Фонарь на дворе тоже потух, израсходовав свой керосин, и никто этого не заметил.

Вдруг из рядов выступает один красноармеец и определенно говорит:

— Товарищ комиссар! Передайте Реввоенсовету армии и всему командованию, что мы ждем приказа о выступлении! Мы того не ждали, чтобы нам оказали такую высокую честь и поручили прикончить Врангеля! Я в том убежден, что говорю от чистого сердца всех красноармейцев, что, стало быть, мы благодарим и также клянемся отдать свою кровную силу

и жизнь, раз то надо Советской власти, – вот и все! Чего там волюнку тянуть и чего ждать, раз люди в Советской России с голоду умирают, а тут сволочь в Крыму сидит и мешается!

Красноармейцы заволновались и радостно загудели, хотя, по здравому смыслу, радоваться было нечему. Вышел еще один красноармеец и заявил:

– Правильно штаб сделал, что десант назначил. С Перекопа пусть Врангеля трахнут в морду, а мы разом – в зад, – вот тогда он с корнем ляжет, и английские корабли ему спасенья не дадут!

Тут опять выходит комиссар:

– Товарищи красноармейцы! Мы в штабе так и знали! Мы ждали от вас той высокой сознательности и беззаветности революции, которую вы сейчас здесь проявили! От имени Реввоенсовета и командования армии выражаю вам благодарность и прошу считать те слова, которые я сказал, военной тайной. Вы знаете, что Новороссийск полон белогвардейскими шпионами, и мы будем обречены на гибель, если кто что узнает! Приказ о выступлении будет дан особо. Спасибо, товарищи!

Комиссар спешно ушел, а красноармейцы еще стояли. Пухов дошел к ним и начал слушать. В первый раз в жизни ему стало так стыдно за что-то, что кожа покраснела под щетиной.

Оказалось, что на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя.

Холодная ночь наливалась бурей, и одинокие люди чувствовали тоску и ожесточение. Но никто в ту ночь не показывался на улицах, и одинокие тоже сидели дома, слушая, как хлопают от ветра ворота. Если же кто шел к другу, спеша там растратить беспокойное время, то обратно домой не возвращался, а ночевал в гостях. Каждый знал, что его ждет на улице арест, ночной допрос, просмотр документов и долгое сидение в тухлом подвале, пока не установится, что сей человек всю жизнь побирался, или пока не будет одержана большевиками окончательная победа.

А меж тем крестьяне из северных мест, одевшись в шинели, вышли необыкновенными людьми, — без сожаления о жизни, без пощады к себе и к любимым родственникам, с прочной ненавистью к знакомому врагу. Эти вооруженные люди готовы дважды быть растерзанными, лишь бы и враг с ними погиб и жизнь ему не досталась.

Ночью Пухов играл с красноармейцами в шашки и рассказывал им о командире, которого никогда не видел.

Пухов, не видя удовольствия в жизни, привык украшать ее геройскими рассказами, и всем становилось от того веселей.

В отряде, назначенном в десант, было пятьсот человек — и случилось, что все они из разных мест.

Поэтому на другой день пошло пятьсот писем в пятьсот русских деревень.

Целых полдня красноармейцы малевали и карякали бума-

гу, прощаясь с матерями, женами, отцами и более дальними родственниками.

Пухов тоже помогал, кто особо слаб был в буквах, и выдумывал такие письма, что красноармейцы одобряли:

– Складно ты пишешь, Фома Егорыч, – мои плакать будут!

– А то как же? – говорил Пухов. – Хохотать тут нечего: дело не шуточное! Чудак ты человек!

После обеда Пухов пошел к комиссару:

– Товарищ комиссар, меня в десант возьмете?

– Возьмем, товарищ Пухов, затем тебя и звали вчера на собрание! – ответил комиссар.

– Только я прошу, товарищ комиссар, назначить меня механиком на «Шаню», – там, я слышал, паровая машина, а на «Марсе» керосиновый мотор, он мне не сподручен: дюже мал!

– На «Шане», там есть свой механик – турок, – сказал комиссар. – Ну ладно: мы тебя в помощники назначим, а на «Марс» возьмем шофера. А ты что, не сладишь с керосиновым мотором, что ли?

– Мотор – ерундовая вещь, паровая машина крепче берет. Неохота мне, товарищ комиссар, в геройском походе с таким дерьмом возиться! Это примус, а не машина – сами видите!

– Ну ладно, – согласился комиссар, – поедешь на «Шане», раз так. В десанте люди едут добровольно и делают, что им способней. А уж в походе, брат, не мудри!..

Пухов взял пропуск и пошел на «Шаню» – машину погля-

деть. Ему лишь бы машина была, там он считал себя дома.

С турецким машинистом он сошелся скоро, сказав, что главное дело – смазка, тогда никакой работой машину не погубишь.

– Это справедливо, – хорошо по-русски сказал турок, – масло – доброта, оно машину бережет! Кто масла много дает, тот любит машину, то есть механик!

– Ну, понятно, – обрадовался Пухов, – машина любит ко-нюха, а не наездника: она живое существо!

На том они и подружили.

Ночью, против окрепшего ветра, отряд шел в порт на посадку. Пухов не знал, к кому ему притулиться, и шел сбоку, гремя полученным казенным чайником. Но красноармейцы сразу его одернули:

– Сказано – иди тайком, чего ты громыхаешь?

– А чего мне таиться-то: не на грабеж идем, – сказал Пухов.

– Приказано не шуметь, – тихо ответил красноармеец Баронов, – затем и людей в городе в губчок попрятали, чтобы шпионов не было.

Шли долго и бесшумно, еле хрустя влажным песком. Огромные порожние склады стояли в темноте, и в них бурчал ветер. Голодные крысы метались всюду, питаясь неизвестно чем.

Ночь была непроглядная, как могильная глубина, но лю-

ди шли возбужденно, с тревожным восторгом в сердце, похожие на древних потаенных охотников.

Глубокие времена дышали над этими горами – свидетели мужества природы, посредством которого она только и существовала. Эти вооруженные путники также были полны мужества и последней смелости, какие имела природа, вздымая горы и роя водоемы.

Только потому красноармейцам, вооруженным иногда одними кулаками, и удавалось ловить в степях броневые автомобили врага и разоружать, окорачивая, воинские эшелоны белогвардейцев.

Молодые, они строили себе новую страну для долгой будущей жизни, в неистовстве истребляя все, что не ладилось с их мечтой о счастье бедных людей, которому они были научены политруком.

Они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость, – жалость потерять свое тело. Из детства они вышли в войну, не пережив ни любви, ни наслаждения мыслью, ни созерцания того неимоверного мира, где они находились. Они были неизвестны самим себе. Поэтому красноармейцы не имели в душе цепей, которые приковывали бы их внимание к своей личности. Поэтому они жили полной общей жизнью с природой и историей, – и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности.

В мрачной темноте засияли перемежающимся светом ог-

ни судовых сигналов. Отряд вступил на помост пристани. Сейчас же началась посадка.

На «Шаню» посадили весь отряд, на катер «Марс» – двадцать человек разведки, а на истребитель – военморов.

Пухов влез в машинное отделение «Шани» и почувствовал себя очень хорошо. Близ машины он всегда был добродушен. Он закурил и прохаркнулся громким голосом, устав молчать и выдувая из легких спертые, застоявшиеся газы.

Часа два еще гремели красноармейские башмаки по палубе и по трапам.

Чувствуя достаточное удовольствие от этих беспокойных событий, Пухов не усидел внизу и выскочил на палубу.

Черные тела людей, трепещущие в неярком свете фонарей, тихо ползли по трапам, крепко прижав к себе винтовки и все походные принадлежности, чтобы ничто не стукнуло.

Ночь от фонарей стала еще огромней и темней, – не верилось, что существует живой мир. В глубинах тьмы тонул небольшой ветер, шевеля какие-то вещи на пристани.

Кратко и предостерегающе гудели пароходы, что-то говоря друг другу, а на берегу лежала наблюдающая тьма и влекущая пустыня. Никакого звука не доходило до города, только с гор сквозило рокотание далекой быстрой реки.

Неиспытанное чувство полного удовольствия, крепкости и необходимости своей жизни охватило Пухова. Он стоял, упершись спиной в лебедку, и радовался этой таинственной ночной картине – как люди молча и тайком собирались на

гибель.

В давнем детстве он удивлялся пасхальной заутрене, ощущая в детском сердце неизвестное и опасное чудо. Теперь Пухов снова пережил эту простую радость, как будто он стал нужен и дорог всем, – и за это всех хотел незаметно поцеловать. Похоже было на то, что всю жизнь Пухов злился и оскорблял людей, а потом увидел, какие они хорошие, и от этого стало стыдно, но чести своей уже не воротишь.

Море покойно шуршало за бортом, храня неизвестные предметы в своих недрах. Но Пухов не глядел на море – он в первый раз увидел настоящих людей. Вся прочая природа также от него отделилась и стала скучной.

К часу ночи посадка окончилась. С берега раздалось последнее приветствие от Реввоенсовета армии. Комиссар что-то рассеянно туда ответил, он был занят другим.

Раздалась морская резкая команда, – и сушь начала отдаляться.

Десантные суда отчалили в Крым.

Через десять минут последняя видимость берега растаяла. Пароходы шли в воде и в холодном мраке. Огни были потушены, людей разместили в трюме, – все сидели в темноте и духоте, но никто не засыпал.

Приказано было не курить, чтобы случайно не зажечь судна. Разговаривать тоже запретили, так как командир и комиссар старались придать «Шане» безлюдный вид мирного

торгового парохода.

Судно шло тайком, глухо отсекая пар. Где-то недалеко, потерянные в ночной гуще, ползли «Марс» и истребитель. Время от времени они давали о себе знать матросским длинным свистом. «Шаня» им отвечала коротким густым гудком.

Суда продирались в сплошной каше тьмы, напрягая свои небольшие машины.

Ночь проходила тихо. Красноармейцам она казалась долгой, как будущая жизнь. Возбуждение понемногу проходило, а длительная темнота постепенно напрягала душу тайной тревогой и ожиданием внезапных смертельных событий.

Море насторожилось и совсем примолкло. Винт греб невидимо что, какую-то тягучую влагу, и влага негромко мялась за бортом. Не спеша истекало томительное время. Горы бледно и застенчиво светились близким утром, но море уже было не то. Спокойное зеркало его, созданное для загляденья неба, в тихом исступлении смешало отраженные видения. Мелкие злобные волны изуродовали тишину моря и терлись от своего множества в тесноте, раскачивая водяные недра.

А вдали – в открытом море – уже шевелились грузные медленные горы, рыли пучины и сами в них рушились. И оттуда неслась по мелким гребням известковая пена, шипя, как ядовитое вещество.

Ветер твердел и громил огромное пространство, погасая где-то за сотни верст. Капли воды, выдернутые из моря, нес-

лись в трясущемся воздухе и били в лицо, как камешки.

На горах, наверно, уже гоготала буря, и море свирепело ей навстречу.

«Шаня» начала метаться по расшевелившемуся морю, как сухой листик, и все ее некрепкое тело уныло поскрипывало.

Каменный тяжелый норд-ост так раскачивал море, что «Шаня» то ползла в пропасти, окруженная валами воды, то взлетала на гору – и оттуда видны были на миг чьи-то далекие страны, где, казалось, стояла синяя тишина.

В воздухе чувствовалось тягостное раздражение, какое бывает перед грозой.

День давно наступил, но от норд-оста заглодало, и красноармейцы студились.

Родом из сухих степей, они почти все лежали в желудочном кошмаре; некоторые вылезли на палубу и, свесившись, блевали густой желчью. Отблевавшись, они на минуту успокаивались, но их снова раскачивало, соки в теле перемешивались и бурлили как попало, и красноармейцев опять тянуло на рвоту. Даже комиссар забеспокоился и неугомонно ходил по палубе, схватываясь при качке за трубу или за стойки. Блевать его не тянуло – он был из моряков.

«Шаня» приближалась к самому опасному месту – Керченскому проливу, а буря никак не укрощалась, силясь захватить море из его глубокой обители.

«Марс» и истребитель давно пропали в пучинах урагана и на сигналы «Шани» перестали отвечать.

Командир «Шани» судном уже не управлял, – кораблем правила трепещущая стихия.

Пухов от качки не страдал. Он объяснял машинисту, что это изжога ему помогает, которой он давно болеет.

С машиной тоже справиться было трудно: все время менялась нагрузка – винт то зарывался в воду, то выскакивал на воздух. От этого машина то визжала от скорости, трясясь всеми болтами, то затихала от перегрузки.

– Мажь, мажь ее, Фома, уснащивай ее погуще, а то враз заперешь на таких оборотах, – говорил машинист.

И Пухов обильно питал машину маслом, что он уважал делать, и приговаривал:

– А-а, стервозия, я ж тебя упокою! Я ж тебя угромошу!

Часа через полтора «Шаня» проскочила Керченский пролив.

Комиссар спустился на минутку в машинное отделение прикурить, так как у него взмокли спички.

– Ну, как она? – спросил его Пухов.

– Она-то ничего, да он-то плох! – пошутил комиссар, улыбаясь усталым изработавшимся лицом.

– А что так? – не понял Пухов.

– А ничего – все хорошо, – сказал комиссар. – Спасибо норд-осту, а то бы нас давно белые угомонили!

– Это как же так?

– А так, – объяснил комиссар. – Керченский пролив охраняется у белых военными крейсерами. А от бури они все

укрылись в Керченскую гавань, и поэтому нас не заметили! Понял?

– Ну а прожекторами отчего нас не нащупывали? – допытывался Пухов.

– Ого! Вся атмосфера тряслась, – какие тут прожектора!

В полдень «Шаня» шла уже в крымских водах, но море по-прежнему изнемогало в буре и устало билось в борт парохода.

Скоро на горизонте показался неизвестный дымок. Капитан судна, командир отряда и комиссар долго наблюдали за тем дымком. Потом «Шаня» взяла курс в открытое море – и дымок пропал.

Норд-ост не прекращался. Это несчастье радовало капитана и комиссара. Сторожевые белогвардейские суда считали бдительность в такой шторм излишней и сидели в береговых щелях.

Комиссар тем и объяснял, что «Шаня» цела, и надеялся на высадку десанта на берег, как только стихнет буря и наступит ночь.

Пухов не вылезал из машинного, обливаясь потом у бесившейся машины и страдая ее всякими словами.

В четвертом часу дня на горизонте сразу объявились четыре дымка. Они стали ходко приближаться, как бы обхватывая «Шаню». Одно судно совсем разглядело «Шаню» и стало давать сигналы об остановке.

Красноармейцы, хоть и не догадывались – как и что, а то-

же высыпали на палубу и заметались от любопытства.

Капитан «Шани» по дыму догадался, что одно из судов наверняка военный крейсер.

Выходило, что десанту пришло время добровольно пускать себя ко дну.

Капитан и комиссар не сходили с рубки, стараясь найти какой-нибудь исход для спасения. Всем красноармейцам приказано было уйти в трюм, чтобы судно противника не обнаружило военного значения «Шани».

Норд-ост ревел с неизбывной силой и сметал «Шаню» с ее курса. Четыре неизвестных корабля тоже с трудом удерживали курс и не могли принять направления на «Шаню».

Скоро три дымка исчезли из зрения, – их куда-то отшиб зверский норд-ост. Зато четвертое судно неотступно подбиралось к «Шане». Иногда уже явственно обнажался его корпус. Капитан разглядел, что это быстроходный и хорошо вооруженный торговый пароход и что он нагоняет «Шаню». Только шторм никак не допускает то судно подойти к «Шане» вплотную. Затем пароход стал допрашивать «Шаню»: куда она идет. «Шаня», войдя в крымские воды, шла под врангельским флагом. На вопрос белогвардейского парохода «Шаня» ответила, что идет из Керчи в Феодосию и везет рыбу.

На палубе оставалось только четверо турок в костюмах своей родины, а все военные люди вместе с комиссаром и командиром десанта сидели в трюме. Поэтому когда белые

купцы подошли к «Шане», то только поглядели в бинокли и пошли прочь. Буксировать «Шаню» они не захотели – наверное, из-за опасного шторма.

Остальной день прошел спокойно. Иногда показывались какие-то пароходы, но сейчас же исчезали: они боялись «Шани» еще больше, чем она их.

Красноармейцы, замученные тошнотой и сырым холодом, старались нарочно быть веселыми и стыдились отчего-то морской болезни. Им надоело тоскливое плавание, и они даже обрадовались, когда узнали, что подходит белогвардейский пароход, вооруженный четырьмя пушками.

Красноармейцам море было незнакомо, и они не верили, что та стихия, от которой только тошнит, таит в себе смерть кораблей.

– Пускай подходит, – сказал красноармеец-тамбовец. – Мы его смажем!

– Как же ты его смажешь? – спросил комиссар. – У него пушки на борту!

– А вот увидишь, – заявил тамбовец, – из винтовок так и смажем!

Привыкшие брать броневые автомобили на ходу, с одними винтовками в руках, красноармейцы и на море думали побеждать посредством винтовки.

Иногда мимо «Шани» проносились целые водяные столбы, объятые вихрем норд-оста. Вслед за собой они обнажали глубокие бездны, почти показывая дно моря.

Внезапно после такого морского столба показался пропавший ночью катер «Марс». Его совсем затрепало. Глыбы воды громили и рушили его оснастку и норовили совсем перекувырнуть. Но «Марс» упорно отфыркивался и метался по волнам, еле живой от своего упрямства. Он хотел пристать к «Шане», но волна откидывала его прочь в пучину.

Вся команда «Марса» и двадцать человек разведки, которую он вез, стояли на палубе, держась за снасть.

Люди что-то бешено кричали на «Шаню», но гром бури рвал их голоса, и ничего не было слышно. Лица людей затмелись бессмысленностью, глаза выцвели от злобного отчаяния, и смертельная бледность на них лежала, как белая намазанная краска.

Казнь наступающей смерти терзала их еще больше от близости «Шани». Люди на «Марсе» рвали на себе последнюю казенную одежду и рычали по-звериному, показывая даже кулаки. Они вопили сильнее бури, а один толстый красноармеец сидел верхом на рее и ел хлеб, чтобы зря не пропал паек.

Глаза гибнущих людей торчали от выпученной ненависти, и ноги их неистово колотили в палубу, обращая на себя внимание.

Пухов стоял наверху и глядел на «Марс».

– Чего они там бесятся? – спросил он у комиссара. – Тонут, что ли, или испугались чего?

– Должно быть, течь у них, – ответил комиссар, – надо

как-нибудь помочь!

Красноармейцев в трюме было не удержать. Они стояли на палубе и тоже что-то кричали на «Марс», позоря испуг несчастных.

Вся «Шаня» терзалась за отряд и команду «Марса»; командир в бешенстве кричал на капитана, комиссар тоже ему помогал, а капитан никак не мог подойти к «Марсу».

Когда «Шаню» подшвырнуло к «Марсу», то оттуда закричали, что вода уже в машинном отделении.

Еще слышалась с «Марса» гармоника – кто-то там наигрывал перед смертью, пугая все законы человеческого естества.

Пухов это как раз явственно услышал и чему-то обрадовался в такой неурочный час.

В затихшую секунду, когда «Марс» подскочил к «Шане», чистый голос, поверх криков, вторил чьей-то тамошней гармонике:

Мое яблочко
Несоленое,
В море Черное
Уроненное...

– Вот сволочь! – с удовольствием сказал Пухов про веселого человека на «Марсе» и плюнул от бессильного сочувствия.

– Спускай лодку! – крикнул капитан, потому что «Марс»

торчал одной палубой, а корпус его уже утонул.

Лодка, еле опущенная на воду, сейчас же трижды перевернулась, и два матроса на ней исчезли невидимо куда.

Вдруг крутой взмах шквала схватил «Марса» и швырнул его так, что он очутился над «Шаней».

– Сигай вниз! – заорал усердней всех Пухов.

Люди на «Марсе» вздрогнули, помертвели до черноты лица и бросились как попало вниз – на палубу «Шани». Падая на «Шаню», они валились, как дохлые тела, и ломали руки ловившим их, а Пухова совсем сшибли с ног. Это ему понравилось.

– Легче, – шумел он. – На Врангеля шли, черти, а чистой воды боятся!

Через несколько секунд весь «Марс» сгрузился на «Шаню», только двое пролетели мимо, промахнувшись в морскую прорву.

На «Марсе» что-то гулко заныло, и он разлетелся от внутреннего взрыва в щепки и железки.

Пухов ходил среди спасенных людей и каждого спрашивал:

– Это не ты пел там?

– Нет, куды там петь! – отвечал красноармеец или матрос с «Марса».

– Да ты и не похож на того! – говорил недовольно Пухов и шел дальше.

Так ни одного и не нашлось – никто, оказывается, не пел и

на гармонике не играл. А ведь слышался звук – и даже слова песни Пухов запомнил.

Вечерело уже, а шторм лютовал и не собирался отдыхать. – И откуда он, дьявол, выходит – посмотрел бы я то место! – говорил себе Пухов, качаясь вместе с машиной в трюме.

Вечером начальство на «Шане» долго совещалось. «Шаня» имела большую перегрузку и к Крымскому берегу близко подойти не могла. К тому же норд-ост все время отжимал судно в открытое море, и десант высадить все равно нельзя. А долго задерживаться в море очень опасно – первый сторожевой крейсер белых пустит «Шаню» на дно.

Совещались долго. Матросы не сдавались и советовали переждать шторм, а там видно будет.

– Ну, вернемся в Новороссийск, – говорил командир разведки матрос Шариков, – а там что? Во-первых, жары нагонят, что самовольно вернулись, а во-вторых, что же – все подурному пойдет: ведь Врангель цел останется.

– Ты, Шариков, забыл, – сказал ему военный комиссар, – что от «Марса» твоего одни щепки плавают, истребитель пропал, – тоже, должно, купается, – а «Шаня» кирпичом ворочается от нагрузки!.. Что ж, по-твоему, обязательно ему и «Шаню» на дно пустить?..

– Ну, как хочешь, – сказал Шариков. – Только и ворочаться дюже срамно!

Однако к ночи порешили, что надо уходить обратно на

Новороссийск.

К полуночи норд-ост начал слабеть, но море носилось по-прежнему. «Шаня» кое-как влекла себя домой.

В Керченском проливе ее нащупали береговые прожекторы, но стрельбы из крепостных орудий белые не открыли. Может быть, потому, что на «Шане» еще болтался обрывок врангелевского флага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.